

УДК 008

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИМИ ЖАНРАМИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

О.В. Блейхер, Э.Н. Камышев, С.Е. Анохина

Томский политехнический университет

E-mail: oxanableikher@mail.ru

На основе постмодернистской теории дискурса и социокультурной теории речевых жанров М.М. Бахтина раскрыты концептуальные основания управления речевыми идеологическими жанрами в административном дискурсе что позволяет преодолеть узость лингвистического и лингвокультурологического подхода, упорядочить существующие жанры, выявить причины воспроизводства новых и исчезновения устаревших жанров, тем самым позволяет расширить спектр возможностей управления информационным пространством административной сферы.

Ключевые слова:

Государство, административный дискурс, речевой жанр, отправитель, получатель, код культуры.

Key words:

Government, administrative discourse, speech genre, sender, recipient, code of culture.

Дискурсивное конструирование механизмов административно-правовых отношений становится определяющим фактором эффективного развития современной России в условиях нестабильности и неопределенности. Специфика режимов административного дискурса определяет возможность (невозможность): диверсификации и инновационности экономики, формирования доверия к государству, как гаранту социальной безопасности, реализации гражданских прав и свобод.

Современный социально-экономический кризис приводит к осознанию дискурсивности таких недискурсивных феноменов как технология, институты, экономические процессы. Под дискурсивностью данных феноменов понимается специальный термин постмодернистской рефлексии, указывающий на их процессуальность, способность к самоорганизации (за пределами целеполагания субъектов) и снятие классических социокультурных нормативов и запретов в поле современного дискурса. Следует отметить, что в методологии социокультурных практик длительное время превалировали рациональные, логоцентрические подходы. Следовательно, в системе координат европейской классики данное понимание дискурсивности может быть рассмотрено как хаос, с одной стороны, характеризующийся неартикулируемостью в структурном плане, с другой стороны, обеспечивающий креативный потенциал в смыслопорождении.

Например, в экономике новые веяния можно обнаружить в работах, направленных на исследование дискурсивности современных экономических институтов. В частности, институциональная экономика предполагает, что помимо формальных институтов, установленных государством в современной экономике возникают и развиваются множество неформальных правил (неявных, подразумеваемых), нигде не зафиксированных документально и существующих не длительное время (время действия сделки или процесса с индивидуальными специфическими характеристиками). По

своей сути эти правила являются перманентно возникающими институтами, направляющими повседневную экономическую активность. Зачастую они входят в противоречие с формальными нормами и в этой ситуации акторы активно оберегают созданные ими неформальные институты. Таким образом, институциональная экономика выявляет дискурсивные основания экономических институтов. Возникновение неформальных институтов одновременно является основой для возникновения неартикулированности (хаос) и самоорганизации пространства экономических транзакций при отсутствии или несовершенстве формальных институтов. Особенно велика роль дискурсивности экономических институтов для развития инновационных процессов.

Обращение к философским работам по исследованию специфики социокультурных процессов показывает, что «дискурсивный поворот» впервые комплексно описан в работе Ж. Деррида [1]. Критикуя европейскую традицию логоцентризма, он выявляет деконструктивистские основания социокультурной природы, раскрывает лингвистические аспекты дискурсивности. Именно Ж. Деррида указывает на то, что в современных практиках произошло осознание отсутствия центра, ядра. Тем самым он задает новые основы бытования, где координаты определяются не местом, не структурой, а некой функцией различий, выраженной через языковую игру. «В этот-то момент – в отсутствие центра, или начала, – решительно все становится дискурсом (при условии, что мы будем понимать под этим словом систему, в которой центральное, исходное, или трансцендентальное, означаемое способно наличествовать лишь в системе различий)» [1. С. 172].

Современное состояние исследований требует расширения дискурсивно-лингвистического аспекта природы социокультурного пространства, заданного Ж. Деррида. В современном понимании дискурсивного как характеристики феноменов,

считавшихся недискурсивными, при разработке методологической базы исследования необходимо опираться на работы, учитывающие лингвистические и экстралингвистические контексты. Т.А. Ван Дейк предлагает интегрированный подход к исследованию дискурса, рассматривая его как сложное единство «языковой формы, значения, действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью коммуникативного события или коммуникативного акта» [2. С. 72]. Суть идеи, положенной в основу данной методологии, состоит в том, что «коммуникативное событие» включает в себя синтез логики дискурсивной практики и логики социально-экономического порядка. Например, проведение тендера на государственные закупки является коммуникативным событием, включающим в себя, особый вид коммуникации (дискурсивная составляющая), и совершение сделки купли-продажи (социально-экономическая составляющая). В поле дискурса неразрывно связаны социальная и культурная составляющая. Это предполагает одновременно отбор и организацию языковых средств, наборов определенных речевых действий для определенного типа коммуникации и разработку экстралингвистических факторов, таких как автономность, оперативность, сконцентрированность [3].

Таким образом, в современной философии происходит «дискурсивный поворот» в осмыслении природы социокультурной реальности, подобно тому, как в неклассической и постнеклассической произошло осознание поликультурности, мерцания и плюральности. Установление дискурсивной природы бытия определяет разработку основных конструктов анализа современных социокультурных практик на базе основных положений дискурс-теории. С одной стороны, установлены новые основания социокультурных явлений, с другой стороны, обнаружены пробелы в методологической базе исследования. Особенно остро данный вопрос стоит в предметных областях социокультурного пространства.

Авторы, работающие в различных научных традициях исследования дискурса, едины в оценке его методологической базы, а именно в неудовлетворительном состоянии методологического инструментария за пределами лингвистических контекстов. В современных дискурс-теориях приветствуется расширение междисциплинарных методов (на стыке дискурс-теории и предметных теорий) поскольку это позволяет восполнять методологические пробелы предметного дискурса [3–6]. В частности вопросы экстралингвистического конструирования административного дискурса находятся в центре внимания западноевропейских и российских научно-практических исследований посвященных идеологии государственного менеджмента.

В качестве основания для определения конкретно-проблемных полей в методологической базе исследования административного дискурса будем рассматривать два основных источника: науч-

ные работы о природе, формах, методах реализации власти в контуре публичного управления и научно-практические работы посвященные осмыслению хода административной реформы в России и западноевропейских государствах.

Исследования по проведению административной реформы в России указывают на то, что одной из базовых проблем конструирования смыслов в административном дискурсе современной России является непрозрачность, противоречивость и ограниченность идеологического жанра. Это препятствует введению в деловой оборот на региональном и муниципальном уровне концептуальных разработок. В свою очередь приводит к формированию негативного имиджа проводимых изменений, а в дальнейшем может провоцировать социальные осложнения.

Действительно, одним из основополагающих механизмов, который формирует пространство современного административного дискурса, является речевой идеологический жанр.

Классические исследования идеологического жанра проводятся в рамках формального лингвистического направления сфокусированного на анализе функций одних элементов языка по отношению к другим, их образованию, пренебрегая изучением внешнего (социокультурного) контекста. В рамках формального подхода исследователи сфокусированы, прежде всего, на разговорной актуализации языка. В то же время выявление экстралингвистических оснований дискурсивности современных социокультурных практик, установление весомой роли речевого жанра в дискурсивном конструировании определяет потребность в разработке его экстралингвистических (социокультурных) аспектов.

Предположительно инициация экстралингвистических направлений в исследовании речевого идеологического жанра позволит преодолеть его ограниченность, несовершенство, а так же произвол в воспроизводстве формальных (особенно текстовых) составляющих в административном дискурсе.

В современной науке к концу XX в. складывается несколько направлений в сфере разработки экстралингвистических контекстов речевого идеологического жанра. Социологический подход проявляет себя в использовании методов социологического анализа конструирования социальной реальности через исследование социальной роли и идентичности, выраженных в языке адресатов и адресантов административного дискурса [6].

Относительно новым является и лингвокультурологический подход, который направлен на выявление и исследование: коммуникативно-семиотических программ, соотношения текста и контекста, коммуникативного стиля [3].

Однако на сегодняшний день отчетливо выявляется необходимость синтеза социологического и лингвокультурологического подхода поскольку речевые жанры административного дискурса имеют двойственную природу. Двойственный характер

формирования речевых жанров: более свободный, чем у форм языка, но в тоже время ограниченный сферой, целью, ролью конкретного дискурса. Эта двойственность, перенесенная по аналогии в теоретическое поле исследования административного дискурса, определяется, с одной стороны, относительным постоянством законодательной базы, задающей речевую (жанровую) роль, в рамках которой регулируются жанровые взаимные ожидания партнеров, с другой стороны, многообразием форм речевого поведения, когнитивных, семиотических пространств дискурсантов.

Синтез социологического и лингвокультурологического подходов, позволит: соотнести потребности воспроизводства новых речевых жанров административного дискурса и контексты конкретных культурно-исторических условий; ограничить стихийное бесконтрольное производство новых жанров, выражающееся в произволе требований чиновников к таким конструктам дискурса как функция текста, текстовый материал.

Анализ возможных подходов к изучению речевого жанра приводит к выводу об универсальности концепции речевых жанров М.М. Бахтина. Концептуальные основания, выведенные в работе М.М. Бахтина, гармонично синтезируют, и социальные, и лингвистические, и культурологические составляющие речевого жанра, а так же они могут быть применимы для разработки методологии административного дискурса.

Действительно, рассматривая взаимодействия чиновников и потребителей государственных услуг, можно заметить, что любое действие, совершаемое в пространстве этого дискурса, обретает значение только после того как сформирован «относительно устойчивый тематический композиционный и стилистический тип высказывания», возникающий как функция устойчивого, повторяющегося сочетания следующих типовых конструктов: отправитель, получатель, отношения между ними, функция текста, тема, предмет речи, текстовый материал, представление и выражение, код [7. С. 161]. Например, просьба – жанр быденного языка, в религии – молитва, в административном дискурсе – заявление.

Опираясь на концепцию теории речевых жанров М.М. Бахтина, можно сделать вывод о том, что речевые жанры могут быть выделены не только в художественной литературе, но в любой сфере деятельности. В связи с этим речевые жанры могут быть выделены в административном дискурсе.

Таким образом, раскрытие концептуальных оснований управления идеологическими жанрами в административном дискурсе возможно на основе междисциплинарного сочетания социокультурного подхода в теории речевого жанра и постмодернистского дискурс-анализа. Для решения данного вопроса требуется последовательное решение следующих задач: раскрыть признаки категории речевого идеологического жанра административного дискурса на основе теории речевого жанра М.М. Бахтина и постмодернистского видения дискурса;

выявить факторы воспроизводства и исчезновения речевых идеологических жанров в административном дискурсе.

В соответствии с основными положениями теории М.М. Бахтина жанры разделяются на первичные (простые) и идеологические (вторичные, сложные). Для возникновения речевого идеологического жанра «требуются условия сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного): художественного, научного, общественно-политического» [7. С. 174]. Первичные идеологические жанры входят в состав идеологических речевых жанров и трансформируются в заданных ими контекстах.

Специфика административного дискурса согласуется с текстовой направленностью речевого жанра, возможностями его трансформации и переакцентации. Принципиальным моментом является то, что в теории М.М. Бахтина жанр, в отличие от традиционного понимания, рассматривается как речевое произведение «в диалоге», то есть как взаимодействие людей и соотношение смысловых позиций. Таким образом, диалогичность становится конституирующим признаком речевого жанра.

Административный дискурс государства предполагает формальную организацию диалогового пространства следующих адресантов (адресатов): государства, в лице государственных служащих (профессиональной бюрократии), хозяйствующих субъектов, отдельных граждан. Диалоговое пространство организуется в соответствии с социальными установками и структурой, определяемых типом общества и государственного устройства. Специфика административного дискурса такова, что в разнообразных хронотопах его субъекты могут «примеривать разные роли», то адресата, то адресанта. Государственные служащие являются частью государственного аппарата, имеют свою структурную и территориальную организацию, особые полномочия, их создание регулируется нормативными правовыми актами, используют определенные методы в работе. Они облечены правом представлять государство и осуществлять регулирование экономической, социокультурной и административно-политической сферами жизни общества. Кроме того данные органы не только контролируют исполнение нормативных актов в повседневной практике, но и сами могут заниматься нормотворчеством в пределах границ установленных для этой деятельности законом. Тем самым, органы исполнительной власти обладают возможностями и наделены правом структурирования дискурсивного пространства, производства новых дискурсивных практик.

Правомочия и обязанности граждан, хозяйствующих субъектов регулируются в поле административного дискурса нормативной базой, они могут инициировать коммуникативные сюжеты исходя из личных потребностей, но в соответствии с ограничениями, определенными в законодатель-

стве. Таким образом, мы можем говорить о единообразном механизме регулирования правомочий и обязанностей субъектов административного дискурса. Безусловно, содержание одинаково формально структурированных сфер социального пространства имеет свою специфику. Например, для государственных служащих специфику коммуникативной стратегии в поле административного дискурса определяет Федеральный Закон «О государственной гражданской службе», для руководителей крупных компаний – Федеральный Закон «О защите конкуренции», для потребителей – Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» [8–10].

Коммуникативные сюжеты взаимоотношений адресатов и адресантов базируются на категориях государственной услуги и государственной функции. Когда инициатором взаимодействия является орган власти (например, осуществление контрольной проверки, расчет каких-либо общих тарифов), то взаимодействие можно рассматривать как государственную функцию. Если инициатором взаимодействия является гражданин, хозяйствующий субъект или общество (например, получение паспорта, лицензирование деятельности, получение дубликата утерянного документа, запрос информации для СМИ), то такое взаимодействие является государственной услугой. Таким образом, основу для возникновения речевого жанра обеспечивает связь темы (перечислены в реестре государственных услуг) и стиля (определяются нормативными актами, решениями чиновников, культурологическими особенностями) в контексте предметного поля дискурса и культурно-исторической ситуации. В результате рождается замысел, который определяет выбор жанровой формы. «Этот выбор определяется спецификой данной сферы речевого общения, предметно-смысловыми (тематическими) соображениями, конкретной ситуацией речевого общения, персональным составом его участников» [7. С. 172].

На формирование речевого жанра в административном дискурсе влияют две основные составляющие взаимоотношений дискурсантов: базовая (определяющая тему, сюжет, жанровую роль) и вариативная (субкультурные особенности). Базовая составляющая отношений адресантов и адресатов административного дискурса определяется в нормативном порядке и может быть рассмотрена как относительно постоянная в системе конструкторов государственного дискурса в целом. Вариативная составляющая носит менее формальный характер и требует более подробной интерпретации, и предположительно, достаточно сильно влияет на процессы дискурсивного конструирования, хотя и не учитывается в механизмах государственного конструирования этого пространства, и в конечном итоге, определяет эффективность (неэффективность) коммуникативного акта. Ее можно определить как взаимодействие двух и более субъектов (индивидов, групп, сообществ), обладающих выраженной культурной идентичностью, поведение которых обуславливается закрепленными культурой

мировоззренческими и поведенческими установками (на понимание, познание, управление), сознательно или бессознательно транслирующих и воспринимающих информацию о языке, ценностях, нормах, моделях поведения, формах, стереотипах в межкультурном пространстве взаимодействия, стремящихся либо к достижению прагматических результатов, либо к взаимопониманию.

Таким образом, речевой жанр административного дискурса – сложная коммуникативная система. С одной стороны, он является моделью коммуникативного поведения, определяемого целеустановкой адресата и адресанта, с другой – речевым произведением (включая текстовые формы) в контексте общения как основной деятельности в поле административного дискурса. Доминирующей интенцией адресанта является убеждение адресата в необходимости принятия быстрого и эффективного решения для ситуации, возникающей в силу специфики государственного менеджмента. Авторы полагают, что речевой жанр в административном дискурсе направлен на порождение как формальных так и межличностных отношений. Он характеризуется определенным набором коммуникативных стратегий и тактик, которые взаимодействуют друг с другом. В порождении речевого жанра в административном дискурсе весомую роль играет когнитивная деятельность дискурсантов, определяемая культурно-историческими особенностями, выраженными в сформированных специфических представлениях о государственном служащем, взаимоотношении человека и власти, административной процедуре. Эти представления можно соотнести с понятием культурологемы – дискурсивное поле культурных мотивов, структурированных в универсальные культурные модели индивидуально разворачивающиеся в каждом новом хронотопе дискурса. Между культурологемами в хронотопе дискурса не существует четких границ, как и между базовыми кодами культуры поскольку дискурсанты принадлежат к единому социо-лингво-культурологическому сообществу [11].

Примером может служить, сформированная в результате культурно-исторических особенностей развития России, стереотипизированная модель поведения, условно назовем ее культурологемой «челобитчика». Многовековая история российского государства, история общения граждан с представителями власти в лице профессиональной бюрократии показывает нам характерную особенность этого взаимодействия, заключающуюся в «преклонении» человека перед представителями власти. Такая многовековая «традиция» в интерпретации власти, как некоего всемогущего защитника, покровителя, у которого нужно искать снисхождения не случайна, у нее глубокие исторические корни. В.М. Межуев формирование данного культурно-исторического феномена связывает с тем, что «в основу своей государственности она (Россия) вслед за Византией положила не национальный и правовой, а конфессиональный и династический принципы (православие

и самодержавие), в силу чего русские осознавали себя не столько светской, сколько православной нацией, единой в своей вере и служении Богу. ...Оно (государство) видело в последнем не столько граждан, наделенных личными правами, сколько коллективного носителя определенного символа веры («народ– богоносец»), главной обязанностью которого является терпеливое исполнение своего религиозного долга по отношению не только к «граду Божьему», но и к «граду земному», т. е. государству. Само служение государству наполнялось религиозным смыслом и содержанием, свидетельствовало о приверженности православной вере. Отдавая жизнь «за веру, царя и отечество», русские люди не очень-то разделяли эти понятия в своем сознании. Отсюда свойственная им высота духовной мотивации в мирских делах, способность к самопожертвованию во имя «общего дела», с одной стороны, и недостаток индивидуального самосознания с учетом общественного интереса, – с другой» [12. С. 587].

Интересную интерпретацию этого вопроса можно найти в трудах И.А. Василенко, который отмечает что «не ища государственной власти, русский человек ищет свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной, – народной жизни внутри себя. Вот где кроется причина его беспримерного повиновения власти» [13. С. 116].

Итак, «...если взять как модель, как некую теоретическую конструкцию, конечно, на западе власть – это порождение гражданского общества, а у нас мы все – порождение власти, говоря метафорически. Но за этим стоят глубокие исторические причины. Это не девиация, это не отклонение от какой-то нормы. Это, пока еще русская норма. И к этому надо очень серьезно относиться. Все наши какие-то деспотические, монархические, тоталитарные элементы властной системы – это не некая случайность, это не некое досадное «то, что мы завтра преодолеем и, что мы быстренько модернизируемся и прочее и прочее» [14. С. 97].

Несмотря на то, что современная реформа административного управления в России направлена на переход от системы государственного управления к государственному менеджменту (ориентация на клиента, рыночные отношения, ответственность перед вышестоящими органами и перед клиентом), в реальной практике взаимодействия бюрократической инфраструктуры с получателями государственных услуг разворачивается культурологема «челобитчика». Коммуникативные стратегии этой модели воспроизводят стереотипы системы «кормления» XIV – XV вв., в которых государственная служба «кормила» государственных чиновников через сбор податей (в современной системе «коррупция»), бюрократ был наместником государя и его решения обладали наивысшим приоритетом (в современной системе «бюрократический произвол»).

Анализ подходов к изучению административного дискурса, а так же к методам его конструирования показывает, что они формируются на государственном уровне без учета механизмов трансформации культурологем, присущих субкультуре государственных служащих и граждан. Пренебрежение традиционными ритуалами построения коммуникативных каналов и отсутствие новых адаптивных механизмов ведет к неэффективной коммуникации (увеличение времени на построение коммуникативных каналов, множество повторных обращений к одной и той же ситуации). Предположительно, для гармоничного выхода из транзитивного состояния требуется комплексное изменение коммуникативного поля дискурса. Решение вопроса, по мнению авторов, лежит не только в трансформации повседневной практики государственного менеджмента, изменении формальных институтов, но и в интеграции социального, лингвистического и культурологического подходов как основы методологии административного дискурса.

Исследование поддержано Грантом Президента РФ МК-943.2009.6

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. – 1995. – № 5. – С. 171–172.
2. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
3. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 288 с.
4. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – 544 с.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура – М.: Высшая школа, 2000. – 608 с.
6. Негруль С.В. Формирование региональных элит: ценности идеология. – Томск: Изд-во ТГУ, 2005. – 150 с.
7. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. – Т. 5. – С. 159–206.
8. О защите конкуренции: федер. закон Рос. Федерации от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ: принят Гос. Думой Фед. Собр. Рос. Федерации 8 июля 2006 г.: одобрен Советом Федерации Фед. Собр. Рос. Федерации 14 июля 2006 г. // Российская газета. – 2006. – 27 июля.
9. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ: принят Гос. Думой Фед. Собр. Рос. Федерации 7 июля 2004 г.: одобрен Советом Федерации Фед. Собр. Рос. Федерации 15 июля 2004 г. // Российская газета. – 2004. – 27 июля.
10. О защите прав потребителей: Закон Рос. Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300–1: принят Гос. Думой Фед. Собр. Рос. Федерации 7 февраля 1992 г. // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – 9 апреля.
11. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
12. Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. – М.: Прогресс-традиция, 2006. – 408 с.
13. Василенко И.А. Сравнительная политология. – М.: Юрайт, 2009. – 320 с.
14. Пивоваров Ю.С. Два века русской мысли – М.: Юрайт, 2006. – 474 с.

Поступила: 30.03.2010 г.